

использоваться более активно в речи персонажей (как характеризующий элемент), чем в речи автора, причем относительный вес этого «персонажного» употребления должен бы возрастать. Но результаты подсчетов не совсем оправдали наши ожидания. С одной стороны, оказалось, что форма РП₂, действительно, свойственна более диалогической речи, чем авторскому монологу (62 % против 38). Но, с другой стороны, данное соотношение оказалось весьма стабильным во времени — во всяком случае, обследованные тексты XIX и XX вв. не дают в этом смысле никаких различий. Возможно, это связано с тем, что стилистический диапазон формы РП₂ ныне достаточно широк (в частности, она может употребляться и с некоторым пародийным, сниженным оттенком), что допускает ее многообразное использование в современной литературе, в том числе и авторской речи.

Следующая графа таблицы отражает количество разных лексем, обнаруженных в обследованном материале. Налицо некоторое снижение объема «словника», допускающего образование (и употребление) формы РП₂. Данный показатель очень важен, потому что он демонстрирует постепенное сужение лексической базы интересующего нас грамматического явления. Форма РП₂ постепенно лексикализуется, и хотя сегодня нельзя говорить о том, что ее сфера функционирования закрыта определенным кругом слов, тем не менее нельзя и считать ее полноценной («конкурентноспособной») грамматической формой.

Наконец, последняя графа таблицы свидетельствует, что среди общего количества примеров с формой РП₂ возрастает доля фразеологизмов. Это вполне закономерно: коль скоро грамматическая форма сужает сферу своего существования, постепенно выходит из употребления, то лучше всего она сохраняется в устойчивых, застывших словосочетаниях. Примеры здесь многообразны: *ни слуху ни духу, с боку на бок, с глазу на глаз, сбоку припёка, дать маху, смеяться до упаду, пить без просыпу, у семи нянек дитя без глазу* и т. п. Употребление РП₂ в составе подобных фразеологических выражений по-своему свидетельствует об относительной архаичности данной формы.

Наше исследование подтверждает, что форма РП₁ продолжает теснить форму РП₂. Что же касается внутреннего перерождения данной формы, приобретения ею новых (стилистических) функций, то эта тема, очевидно, заслуживает дополнительного исследования.

¹ См.: Чернышев В. И. Избранные труды: В 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 493—495.

² Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941. С. 137.

³ См.: Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972. С. 144—146.

⁴ См.: Шмелев Д. Н. Архаические формы в современном русском языке. М., 1964. С. 15.

⁵ Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967. С. 44.

⁶ См.: Маркарян Р. А. Типы семантического противодействия в сфере формообразования и словообразования. Ереван, 1970. С. 104.

⁷ Буланни Л. Л. Трудные вопросы морфологии. М., 1976. С. 41.

В. И. КОВАЛЬ

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ФРАЗЕОЛОГИЗМА *Задать баню*

Этимологизация фраземы *задать (задавать) баню* 'побить, поколотить, сильно отругать, выбранить' обычно заключается в указании на ее связь с существовавшими в древности пытками людей в бане: «провинившегося сажали в баню, обливали его попеременно горячей и холодной водой, поддавали жару и не давали пить» (ОЭСРФ, 52). Происхождению данной фраземы посвящена одна из работ В. М. Мокиенко, в которой известный фразеолог всесторонне обосновывает связь семантики этого оборота не только с практикой пыток, но и с реально существующим

свободным словосочетанием, подвергшимся метафорическому переосмыслению (это же свойственно оборотам типа *задать духу, поддать пару, задать жару* и под.)¹.

Объективность предложенной интерпретации фраземы *задать баню* не вызывает сомнений: в русском языке встречается большое количество одноструктурных устойчивых словосочетаний: *задать гонку (перцу, феру, чёсу)* 'отругать, выбранить'; *задать копоты* 'напугать кого-либо'; *задать драла (лататы, стрекача)* 'поспешно убежать'. Значительный вариантный ряд со значением 'побить; отругать' образуют подобные фраземы в русских народных говорах: *задать бучку (валку, вздувку, жарёху, жарню, жигу, зною, лупки, мятку, передёру, таску, тряску)*.

Нетрудно заметить, что функции глагольного и именных компонентов этих фразем (в том числе и *задать баню*) различны. Слово-компонент *задать* лексически «опустошено», оно выполняет категориальную функцию, реализуя значение 'устроить (сделать, совершить) экспрессивное действие'; именные же компоненты являются семантическим центром фразем, т. е. формируют и конкретизируют их значение.

Вместе с тем фразема *задать баню* занимает особое место в ряду аналогичных образований, поскольку в данном случае нельзя отрицать связи ее именного компонента (в отличие от «прозрачных» существительных типа *жар, пар, бучка, валка, вздувка, лупка*) со сложными этнокультурными представлениями.

В системе некоторых этнокультурных воззрений, связанных с жилищем и другими хозяйственными постройками, баня относится к строениям, где человеку может угрожать опасность. По мнению А. К. Байбурина, существует две причины «маркированности бани в сфере отрицательных значений»: во-первых, отсутствие определенной, однозначной хозяйственной функции бани (это и не надворная, и не хозяйственная постройка). В связи с этим «бани строились, как правило, на периферии усадьбы («на задах») или вообще выносились к границе селения, поближе к воде». Во-вторых, баня воспринималась как место объединения стихии воды и стихии огня, специфическое сочетание которых соотносится с идеей борьбы, а значит, опасности². Довольно распространенным является табу на постройку дома на том месте, где ранее находилась баня. Сравн.: *банище* 'место, где баня стояла (оно почитается нечистым, и строить на нем жилое, избу не годится)' (Даль, I, 45). В бане запрещалось громко говорить, ругаться, хвастаться; в ней не вешали икон, не делали крестов страстной свечкой; при входе в баню предписывалось снимать крест и пояс³. Последняя деталь — снятие креста и пояса — особенно отчетливо подчеркивает сакральную «нечистоту» бани: это действие было непременно предварительным условием девичьих гаданий, осмыслявшихся как вступление гадающих в связь с «нечистой силой». Сравн.: «Во время гаданий обыкновенно снимается с шеи крест, а девушки, кроме того, распоясываются и расплетают косу, иная даже проклинает сама себя»⁴ (разрядка наша — В. К.). Использование же бани как традиционного места гаданий (особенно на святки) было распространено достаточно широко. В бане опасались встреч с навьями — чужими, враждебными мертвецами, противопоставлявшимися добрым духам — умершим предкам, с которыми встречались дома и готовили для них ритуальную еду⁵ (сравн. белорусский обряд *дзяды*). Закономерно и то, что баня являлась местом совершения обрядов «черной магии»: «вынутый след сжигают в глухую полночь в бане, если требуется умертвить обидчика»; «похищают очарованные голубиные сердца, сжигают в бане с намерением расторгнуть мужа и жену»⁶. Негативные представления о бане отразились и в ряде диалектных фразеологизмов, имеющих общую отрицательную семантику: *банная притка* 'болезнь, получаемая по неизвестной причине после мытья в бане' (ФСРС, 153), *делать банный угол* 'недобросовестно, нестарательно работать', *по-банному крыт* 'невзрачен', *банная запуха* 'грязнуля', *банная затычка* 'о непопрятном человеке', *банная дура* 'совсем глупая'; сравн. также диалект-

ное субстантивированное прилагательное *банное*, 'относящееся к бане и считающееся в высшей степени нечистым'. *Банному и молитва не читают*» (СРНГ. 2, 96).

Для понимания истоков семантики фраземы *задать баню* важно также учесть, что в сфере этнокультурных представлений баня повсеместно осмыслялась как место обитания злого и опасного антропоморфного духа — *банника* (*банного, баенника, байника*). В народных воззрениях банник отчетливо противопоставлен другим, добрым домашним «нечистикам» — прежде всего домовому, а также овииннику, гуменнику и пуннику⁷. Отмеченное верование наглядно иллюстрируется следующей быличкой: «Банник мужика хотел отдуть. А мужик побежал от него, а банник за им. Мужик побежал мимо овина: «Подовинник, батюшка, спаси меня!» Подовинник выскочил, начал банника хлестать»⁸. По поверью, записанному В. И. Далем, «пар выживает банника временно, а в нетопленной бане он живет всегда» (Даль, I, 45). Банник опасен для моющихся: «может испугать, бросая камни с печи, содрать с них живьем кожу»⁹; «дух, обитающий в бане, склонен к злым проказам, иногда затаскивает людей на горячую каменницу» (СРНГ. 2, 95). Банник может напустить на моющихся опасную болезнь — *банную нечисть* (СРНГ. 2, 43). Особую опасность банник представляет для тех, кто поздно пойдет один в баню (СРНГ. 2, 43); банник «удушает человека, который без молитвы станет один париться в бане или уснет там» (СРНГ. 2, 96). Банный дух особенно враждебен по отношению к жещинам и девушкам: «банной, если родильницу одну оставить в бане, сдерет с нее кожу» (СРНГ. 2, 96); «роженицу в бане на час нельзя оставить одну — нечистая сила удавит, — хоть маленького (не взрослого), но оставят»¹⁰; «банник задавил ее», — говорят о женщине, умершей в бане (СРНГ. 2, 95). О злонамеренности банника говорит и следующее поверье: «тем, кто, гадая, сует руку в баню, он может сковать пальцы железными кольцами». Банный дух в женском облике — обдериха — «плещет кипятком, душит угаром, подменяет оставшихся без присмотра детей»¹¹. Чтобы задобрить обдериху, «деревенские девушки, выходя вечером из бани, непременно оставляют на окне кусочек мыла и шайку теплой воды»¹². Более сложные обереговые действия по «нейтрализации» банника записаны В. Н. Добровольским в Смоленской губернии. При обдавании водой в бане становились правой ногой на маленький камешек, который приносили с собой. Входя на полк, приговаривали: «Хрещеный на полк, нехрещеный с полка». Выходя из бани, оставляли на полке ведро воды и веник для «хозяина» с приговором: «Тебе, баня, на стояние, а нам на здоровье» (СОС. 22).

Существенна роль, которую выполняет баня и в народной медицине. При этом важно отметить, что приемы «банного» лечения отличались особой «радикальностью», почти жестокостью. Так, для излечения ломоты во всем теле и для оздоровления в разгар полевых работ крестьяне «парятся и натираются в бане в сильном духу крапивой-жигучкой, так что все тело покрывается волдырями»; «при ломоте в спине или в плечах натирают больное место мелко натертым хреном или редькой; это натирание производится в бане, в сильном духу»¹³. Больных людей вносили в баню на жгучей крапиве; «в надежде помолодеть» старые люди парились в бане «лютыми кореньями». Больного оспой «ведут в жарко натопленную баню и парят на славу»¹⁴. С народной медициной соотносится этимологами и польская фразема *sprawić łaźnię* 'побить': ее происхождение связывается с народным обычаем хлестания в бане березовыми вениками для улучшения кровообращения (НКРР. II, 339).

Итак, этнокультурные сведения (несомненно, известные носителям языка и являющиеся для них весьма актуальными) не могли не отразиться на формировании семантики фраземы *задать (задавать) баню*. Негативность этой семантики — 'побить, поколотить; сильно отругать, выбранить' — необходимо связывать не только с традицией пыток в бане, но и в меньшей степени — с этнокультурными сведениями: 1) о бане как опасном, нечистом месте; 2) о бане как месте обитания злого,

враждебного людям банного духа — банника; 3) о применяемых в бане радикальных приемах народной медицины, напоминающих битье, избивание.

- ¹ См.: Мокшенико В. М. // Русская речь. 1974. № 6.
- ² См.: Байбури А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М., 1983. С. 35—36.
- ³ См.: Будовская Е. Э. // Русская речь. 1990. № 4. С. 106.
- ⁴ Завойко Г. К. // Этнографическое обозрение. 1915. № 1—2. С. 113.
- ⁵ См.: Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М., 1986. С. 115.
- ⁶ Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. М., 1989. С. 80, 87.
- ⁷ См.: Байбури А. К. Указ. соч. С. 36; Никифоровский Н. Я. // Виленский временник. Вильно, 1907. Кн. II. С. 60.
- ⁸ Богатырев П. Г. // Этнографическое обозрение. 1916. № 3—4. С. 59.
- ⁹ Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1987. Т. 1. С. 162.
- ¹⁰ Завойко Г. К. // Этнографическое обозрение. 1914. № 3—4. С. 109.
- ¹¹ Будовская Е. Э. Указ. ст. С. 109, 107.
- ¹² Колпакова Н. П. У золотых родников: Записки фольклориста. М., 1975. С. 67.
- ¹³ Богданович А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Гродна, 1895. С. 148.
- ¹⁴ См.: Сказания русского народа... С. 277; Куличковский Г. Н. // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 47.

Л. Б. АДУЦКЕВИЧ

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА СЛОВА В ПРОЦЕССАХ ЕГО СЕМАНТИЗАЦИИ

Воспринимая тексты на родном или неродном языке, человек встречается с неизвестными ему словами, в процессах семантизации которых работают два механизма: синтагматический и парадигматический. При синтагматическом поиске значения реципиент учитывает положение неизвестного слова в контексте, прежде всего, его грамматическую позицию и лексическую сочетаемость. В процессе парадигматической семантизации, которая является ведущей в случае недостаточности контекста, языковое сознание учитывает морфемно-словообразовательную структуру и фонетическую оформленность слова. В результате неизвестное реципиенту слово (обладающее для него пока только формой) сопоставляется с известными ему и по форме и по содержанию словами. Владение лексической системой языка включает понимание не только значений лексических единиц, но и значений слагаемых морфем, а также представления о правилах, по которым созданы и создаются слова, т. е. о действии и результатах действия словообразовательных моделей. Это позволяет предположить, что процесс парадигматической семантизации неизвестного слова зависит от того, как выражена семантика слова его структурой.

В настоящей работе показано, как при овладении неродным языком происходит парадигматическая семантизация неизвестного слова, в частности, как словообразовательная структура детерминирует процессы его семантизации. Исследование было осуществлено на основе психолингвистического эксперимента, так как в естественных условиях коммуникативной ситуации процесс семантизации, как правило, имплицитен и направляется факторами как парадигматического, так и синтагматического характера. Предполагалось, что на процесс семантизации оказывают влияние следующие морфемно-словообразовательные характеристики: 1) производность/непроизводность основы слова; 2) степень членимости основы; 3) фразеологичность семантики слова; 4) количество корневых морфем.

Релевантность для процессов семантизации производности/непроизводности основы слова определяется тем, что производное слово отличается от непроизводного как мотивированный знак от условного, а процесс усвоения значения слова зависит от наличия связи между планом выражения и планом содержания. Как указывает Ч. Дж. Филлмор, «не-